

Б. Н. Миронов. Вековые тенденции в развитии русской семьи: семейная структура населения России в XVI – начале XX века* // Вековые тенденции в развитии русской семьи: семейная структура населения России в XVI-начале XX века // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 2010. С. 24-58.

Среди российских *этнографов* в последние 30 лет получила преобладание точка зрения, согласно которой у крестьянства на протяжении XV–XX вв., а у горожан с X–XII вв. неизменно превалировала малая семья¹. Среди российских *историков* сосуществуют разные представления о том, когда и какие семейные формы доминировали и почему они изменялись. Проблема усугубляется тем, что до недавнего времени классификация семей, предложенная П. Ласлеттом и принятая в современной исторической демографии, ими не применялась. В этой типологии различают пять форм: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) группа родственников или неродственников, не образующих семью, но ведущих общее хозяйство; 3) простая малая, или нуклеарная семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар. В пятую категорию входят также и патрионимии – так называемые *большие патриархальные отцовские* (отец с женатыми сыновьями) или *большие братские* (родные женатые братья) *семьи*, которые включают несколько поколений потомков одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар, объединяющих 15, 20, 30 и более человек². Ввиду того, что исследователи в своих работах использовали разные семейные классификации, имеющиеся в литературе группировки семей, выполненные по разным критериям, не всегда сопоставимы.

Большинство зарубежных историков, занимающихся историей русской семьи, придерживаются мнения о преобладании среди российского крестьянства в московский и имперский периоды, по крайней мере, до отмены крепостного права в 1860-е гг., составной семьи³.

Исследовательская работа по определению семейной структуры проводится мною и другими учеными более 30 лет; накоплен довольно значительный материал, который до сих пор обобщен не был. Цель данной статьи – суммировать и осмыслить полученные результаты.

1. Сельская семья

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Понятия «семья», или «семейство», и «двор», или «домохозяйство», применительно к XVII – началу XX столетия в России были тождественными, так как означали совокупность близких родственников, живших вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином. Главными критериями единства нескольких брачных пар в одном домохозяйстве являлись совместное проживание, наличие общего нераздельного имущества и одного главы, который управлял этим имуществом и вообще всеми делами в хозяйстве.

Север и Северо-Запад. Самые ранние сведения относятся ко второй половине XVI – первой четверти XVII в. (табл. 1).

Таблица 1

Количество семей с различным типом структуры у северного крестьянства в середине XVI – начале XVII в.*

Уезд, год(ы)	1 хозяин		Отец с 1 сыном		Отец с 2 и более сыновьям и		2–5 братьев		Расширенная семья		Составная семья		Всего семей, абс.
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Емецкий, 1552–1553 гг.	268	82,2	1	0,31	2	0,6	55	16,9	–	–	–	–	326
Калеский, 1586 г.	174	90,2	2	1,04	3	1,6	6	3,1	–	–	8	4,1	193
Калеский, 1622–1623 гг.	96	53,0	39	21,5	21	12,0	22	12,2	–	–	3	1,7	181
Пинега, 1620–е гг.	765	46,8	524	32,0	118	7,2	196	12,0	22	1,3	11	0,7	1636
Мезень, 1620–е гг.	807	78,6	108	10,5	32	3,1	70	6,8	4	0,4	6	0,6	1027

* Составлено по данным: *Копанев А. И.* 1) Крестьяне Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120; 2) Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 71.

Эти данные широко используются исследователями и интерпретируются как доказательство преобладания малой семьи на Севере в XVI–XVII вв.⁴ Но с таким выводом трудно согласиться. Писцовые книги XVI–XVII вв. (они составлялись для обложения крестьян поземельным налогом), которые использовал А. И. Копанев, совсем не учитывали женское население, а из лиц мужского пола брали в расчет только глав семей – дворохозяев, вследствие чего число малых семей преувеличивалось. Например, в 1586 г. к малым семьям были отнесены дворы с одним хозяином, в которых совместно проживали женатые не отделившиеся от отца сыновья, а также те дворы, в которых проживали женатые не разделившиеся братья. В 1620–е гг. переписчики стали учитывать, кроме глав семей, других

взрослых, как правило, женатых мужчин, и процент малых семей сразу на 37,2 % (с 90,2 до 53 %) уменьшился, соответственно, доля составных семей возросла на 37,2 %.

Подсчеты по новгородским писцовым книгам показывают, что доля дворов с малыми и расширенными семьями (источники не всегда позволяют однозначно идентифицировать тип семьи) составляла в 1620-е гг. приблизительно 59,6 %, доля дворов с расширенными и составными семьями – 38,7 %; а в 1646 г. – соответственно, 69 и 22,5 %. Средний размер хозяйства равнялся примерно 6,4 человека обою пола (выборки включают 4242 двора в 1620-е гг. и 7401 двор в 1646 г.). Эти цифры также свидетельствуют в пользу преобладания малых семей. Однако через 32 года, в 1678 г., доля односемейных хозяйств снижается до 49,4 %, а доля многосемейных возрастает до 43 % (информация по 10 436 дворам)⁵. Как и в случае с результатами Копанева, эти данные завышают долю малых и занижают долю составных семей вследствие отсутствия сведений о женском поле, неполной идентификации членов семьи и применения исследователями специфической семейной типологии.

В XVIII в., если судить по Двинскому уезду, доля многосемейных дворов, в которых проживали расширенные и составные семьи, с 1646 по 1710 г. увеличилась до 65,7 % – в 2,5 раза, а к 1782 г. уменьшилась до 49,9 %. Существенно возросла доля дворов, в которых проживали малые семьи, а также одиночки или группы, не образующие семьи (табл. 2).

Таблица 2

Количество семей с различной структурой у крестьянства Двинского уезда Архангельской губ. в середине XVII – XVIII в., %*

Тип семьи	1646 г.	1678 г.	1710 г.	1762 г.	1782 г.
Одинокие и группа родственников	8,5	27,7	3,3	11,7	12,3
Малая семья	65,6	22,9	31,1	37,2	37,9
Расширенная семья	4,7	5,6	20,5	11,8	17,1
Составная семья	21,2	43,8	45,2	39,2	32,8
Общее количество семей	424	524	500	911	962

* Подсчитано по данным: Кох О. Б. 1) Крестьянский двор и крестьянская семья на Русском Севере в конце XVII – XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 79; 2) Крестьянская семья // Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 56–58.

У монастырских крестьян Вологодской губ. в 1678 г. простых и многосемейных дворов насчитывалось соответственно 58,5 и 33,9 %, но к 1717 г. цифры изменились на почти противоположные – 39,3 и 53,7 % (сведения охватывают 1000 дворов в 1678 г. и 428 дворов – в 1717 г.)⁶.

На мой взгляд, на приведенные данные о семейной структуре на Севере в XVI–XVII вв. уверенно полагаться нельзя. В XVI–XVII вв. повсеместно в России, но особенно на Севере, получили широкое распространение семейные группы, когда несколько дворов родственников, а иногда и неродственников, объединялись в одну семью⁷. Всякий раз, когда возникала потребность в совместном труде при решении производственных задач, которые были непосильны одной семье вследствие неразвитости рынка труда, одна или несколько семей объединялись (складывались) в союз, возникала *складническая* семья, *семья-товарищество* с коллективным трудом и потреблением. На определенный срок имущество, труд и потребление становились общими. Складническая семья объединяла преимущественно родственников, но товарищество могли создать и соседи. Члены этого союза владели определенной, равной или неравной долей общего имущества (земли, движимого имущества). Они могли жить одним или несколькими дворами, в одной или разных деревнях. В дальнейшем, при окончательном разделе общей земли (имущества) товарищества превращались в соседские общности, а складнические отношения – в отношения индивидуальных землевладельцев. Некоторые исследователи полагали, что совладение земельными угодьями деревнями являлось господствующей формой землевладения в XVI–XVII вв., поэтому однодеревенцы, как правило, назывались «складниками» и очень редко «соседями»⁸. При переписях такие союзы как единая семья не фиксировались, что завышало число малых семей. М. В. Витов даже предположил, что в XV в. на Севере деревня представляла составную семью, а несколько таких деревень-семей составляли патронимию. В XVI–XVII вв. патронимия как главный тип семейной организации распалась, и на ее место пришли разнообразные формы семейной организации, в том числе составные, расширенные и малые семьи⁹. Однако обычно переход от патронимии к малой семье занимает длительный период. Трудно предположить, что на Севере столь сложная трансформация произошла всего за 50 лет, при этом в жизни крестьян кардинальных перемен не наблюдалось.

Исследование Э. Уарис подтверждает распространенность семейных союзов на Севере даже в более позднее время. Обнаружив, что в Восточной Финляндии XVIII–XIX вв. официальная перепись не отражала реальных связей между людьми, она отказалась от стандартной методики идентификации семейной организации по месту проживания в одном дворе. При объединении людей в одно хозяйство она отдала предпочтение реальным отношениям между людьми, т. е. реальной организации работы и домашнего хозяйства, основываясь на конфирмационных и исповедных книгах, документах о наследовании и судебных спорах. Оказалось, что большое число крестьян проживали в рамках семей-товариществ, как это было и на Севере России в XVI–XVII вв., которые официально были

малыми семьями, а реально – составными. Доля таких семей была высока – около 55 % в 1750 г., 61 % в 1775 г., 35 % в 1820–1849 гг., и в них проживало большинство населения¹⁰. Распространенность семейных товариществ объясняет, как населению удавалось выживать в многочисленных односемейных поселениях, как выживали сироты, старики, вдовы при высокой смертности, как выживали хозяйства во время природных катаклизмов, как односемейное хозяйство могло выполнять объемные и срочные работы при господстве подсеки.

Что касается конца XVII в. и XVIII в., то имеющиеся данные свидетельствуют о преобладании составных и расширенных семей. Среднее число лиц, проживавших в одном дворе, с 1678 по 1782 г. возросло с 5,6 до 6,5 и к 1858 г. достигло 6,8¹¹. Увеличение средней населенности двора дает основания для предположения, что доля составных семей в течение XVIII – первой половины XIX в., вплоть до отмены крепостного права, имел тенденцию увеличиваться.

Данные по карельскому населению Олонецкой губ., корректно обработанные М. Поллой в соответствии со стандартной семейной типологией П. Ласлетта, подтверждают наличие тенденции к укрупнению семей на Севере: доля составных семей с конца XVII до середины XIX в. возростала и в 1850-е гг. превысила 50 %¹² (табл. 3).

Таблица 3

Количество крестьянских семей с различной структурой в приходе Оланга Олонецкой губ. (XVIII – начало XX в.)*

Тип семьи	1710 г.		1763 г.		1830 г.		1858 г.		1890 г.		1910 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Одинокие	–	–	1	2,8	–	–	–	–	2	1,2	7	2,6
Группа родственников	–	–	1	2,8	–	–	1	1,1	2	1,2	4	1,5
Малая семья	–	–	8	22,2	20	31,7	21	24,1	48	28,4	114	41,8
Расширенная семья	–	–	10	27,8	4	6,3	15	17,2	31	18,3	37	13,6
Составная семья	2	25	16	44,4	29	46	47	54	71	42	105	38,5
Неизвестен	6	75	–	–	10	15,9	3	3,4	15	8,9	6	2,2
Итого:	8	100	36	100	63	100	87	100	169	100	273	100

* Составлено по данным: Polla M. Peasant and hunter Households in Oulanka, Northern Russia, 1710–1910 // The History of the Family: An International Quarterly. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 163–181.

Немногочисленные данные по семейной организации крестьян **Урала** позволяют предположить, что на рубеже XVII–XVIII вв. в регионе слегка преобладали малые семьи, в течение всего XVIII в. – составные семьи, а в первой половине XIX в. – вновь

малые. В большинстве случаев, однако, в рамках составной семьи проживало не менее половины крестьян¹³. По данным 9-й ревизии 1850 г. в Пермской губ. (около 1,5 млн крестьян обоего пола) в 38,2 % дворов проживали малые семьи, в 10,9 – расширенные, в 45,9 – составные, в 4,7 % – одиночки и группа родственников. Домохозяйство в среднем состояло из 7,06 человека, в том числе 3,33 мужчины и 4,73 женщины¹⁴. Многосемейные хозяйства преобладали.

Центрально-Нечерноземный район. Согласно данным по 14 уездам, в 1613–1645 гг. в 36 помещичьих имениях большинство семей были либо отцовскими трехпоколенными, либо братскими двухпоколенными; в среднем крестьянский двор имел более двух взрослых мужчин-работников (сведения охватывают 1940 дворов)¹⁵. Это указывает на преобладание составной семьи, но не исключает того, что в некоторых селениях в отдельные годы перевес был на стороне малых семей¹⁶. По имеющимся сведениям, можно предположить, что и в XVIII в. среди помещичьих крестьян региона в большинстве имений преобладали составные и расширенные семьи¹⁷. В таблице 4 представлена типичная для региона семейная структура типичного помещичьего имения первой половины XIX в. – с. Выхино Московской губ. (129 дворов в 1811 г. и 212 в 1857 г.), где на протяжении первой половины XIX в. превалировали составные семьи.

Таблица 4

Количество семей с различной структурой в населении с. Выхино Московской губ. (1811–1857 гг.), %*

Тип семьи	1811 г.		1815 г.		1834 г.		1850 г.		1857 г.	
	Кол-во дворов	Доля в населении								
Одинокие лица	20,9	6,8	11,9	2,6	11,0	1,6	5,7	0,9	4,3	0,9
Малая семья	41,1	29,6	34,8	20,2	18,3	6,7	27,3	16,4	32,6	19,5
Расширенная семья	38,0	63,6	8,8	10,1	7,9	5,9	2,6	2,9	4,7	5,2
Составная семья			44,0	67,0	62,7	86,5	64,3	80,1	55,3	74,5
Итого:	100	100	99,5	99,0	99,9	100,7	99,9	100,3	96,9	100,1

* Составлено по данным: Blum A., Troitskaya I., Avdeev A. Family, Marriage and Social Control in Russia. P. 88–92.

По данным 9-й ревизии 1850 г., в Ярославской губ. (около 780 тыс. крестьян обоего пола) в 34,2 % дворов проживали малые семьи, в 10,6 % – расширенные, в 43,4 % – составные, в 11,8 % – одиночки и группа родственников. В среднем на одно домохозяйство приходилось 1,95 семьи, 6,49 человека (3,01 мужчины и 3,48 женщины), в том числе 3,45 взрослых и 3,04 детей¹⁸.

Среди русского населения **Среднего Поволжья** в течение 350 лет, в XVI – первой половине XIX в., преобладали составные семьи¹⁹. По данным 9-й ревизии 1850 г., в Нижегородской губ. (около 1020 тыс. крестьян обоего пола) в 38,9 % дворов проживали малые семьи, одиночки и группы родственников, в 13,2 % – расширенные, в 47,9 % – составные семьи. В среднем домохозяйство состояло из 6,89 человека, в том числе 3,3 мужчины и 3,59 женщины²⁰. Многосемейные дворы преобладали.

О семейной организации крестьян **Центрально-Черноземного района** мы имеем представление для конца XVIII и первой половины XIX в. По сведениям подворных описаний помещичьих имений, в поместье Мишино (169 дворов в 1849 г.) Рязанской губ. в 1782–1858 гг. доля составных семей не опускалась ниже 65 % (1849 г.) и поднималась до 82 % (1782 г.), а доля малых семей колебалась от 17 (1849 г.) до 7 % (1782 г.). Средний размер дворохозяйства в 1814–1858 гг. варьировал от 8 до 9,7 души обоего пола²¹. В другом поместье – Петровском Тамбовской губ. (125 дворов в 1856 г.) в 1813–1856 гг., судя по сведениям девяти подворных описей, также преобладали составные семьи. Их доля составляла от 60 до 78 % и лишь один раз, в 1856 г., опустилась до 45 %, в то время как доля малых семей никогда не поднималась выше 22 % (1856 г.). Средний размер хозяйства увеличился с 7,7 до 9 человек²². По данным метрических книг и ревизских сказок, касающихся четырех сел государственных крестьян Тамбовской губ. в 1816–1858 гг. (в них насчитывалось свыше 1000 дворов), доля составных семей находилась в интервале от 53,3 до 73,6 %, доля малых семей – от 13,2 до 28,8 %. Средний размер дворохозяйства в 1814–1858 гг. варьировал от 8,3 до 15 душ²³.

Сведения о семейной структуре в **Сибири** XVIII – первой половины XIX в. не позволяют обнаружить какой-либо определенной тенденции²⁴. При этом в разных частях огромного региона наблюдались существенные различия в семейной структуре: в одних местностях преобладали малые и расширенные, в других – расширенные и составные семьи²⁵.

В Прибалтике, по данным о нескольких поместьях в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии 1765–1858 гг., доля малых семей колебалась от 46 до 53 %, а составных – от 23 до 59 %, однако в большинстве случаев односемейные дворы преобладали²⁶. В приходе Отепя на юге Эстонии в 1765 г. на крестьянский двор приходилось 6,8 человека. Хозяйства в составе одиночек, редуцированных и малых семей составляли 59,3 %, расширенные – 6,2, многосемейные – 33,5 %. На севере Эстонии в приходе Карузе в 1782 г. насчитывалось 54 % односемейных (с одиночками) дворов, 14 % расширенных и 32 % многосемейных²⁷. В имении Пинкенхоф процентное соотношение дворов с указанной структурой было следующим: в 1816 г. – 58 : 18,5 : 23,3; в 1850 г. – 49,9 : 23,3 : 26,6 (в обоих случаях учтены 124 двора)²⁸. Согласно опубликованной Р. Уоллом сводке, в трех эстонских

выборках 1850 г. (451, 388 и 165 дворов) пропорция составляла соответственно 52 : 17 : 31; 44 : 23 : 33; 34 : 19 : 47. В выборке по имению Линден на территории Курляндии (современная Латвия, 92 двора) в 1858 г. зафиксирована пропорция 52 : 24 : 24²⁹.

О семейной структуре **на Украине** мы можем судить по Киевской губ. Обработка данных переписи населения в 28 униатских приходах за 1791 г., проведенная украинским историком М. Крикуном, показала, что из 2903 дворов 56,5 % состояли из простой семьи или одиночек, 8,1 % представляли собой расширенную семью и 35,3 % – составную. Средний размер хозяйства составил 6,6 человека, включая 0,32 наемного работника³⁰. В первой половине XIX в. наблюдалось повышение доли многосемейных хозяйств, о чем говорит семейная структура крестьян губернии в 1850 г. (1334 тыс. человек обоего пола) по сведениям 9-й ревизии: в 39,4 % дворов проживали малые семьи, одиночки и группа родственников, в 13,1 % – расширенные, в 47,5 % – составные семьи. В среднем одно домохозяйство состояло из 7,32 человека, в том числе 3,64 мужчины и 3,68 женщины³¹. Увеличение средней населенности двора с 6,3 до 7,3 – надежное доказательство того, что доля многосемейных хозяйств в 1791–1850 гг. увеличивалась.

Аналогичная с Украиной картина наблюдалась **в Белоруссии**. В конце XVI – первой половине XVIII в. здесь преобладали малые семьи. Однако к концу XVIII в. семейная структура изменилась, в ней стали преобладать расширенные и составные семьи, и это продолжалось до отмены крепостного права в 1861 г.³² (табл. 5).

Таблица 5

Семейная структура у помещичьих крестьян Минской губ. в XVIII – первой половине XIX в.*

Год	Кол-во дворов	Средняя населенность двора, чел.	Семей на один двор	Доля (%) хозяйств, в которых проживала семья		
				малая	расширенная	составная
<i>Кореньский католический приход</i>						
1740	69	7	1,4	56,5	7,3	36,2
1793	156	7,2	1,7	30,1	11,5	58,3
1811	177	7,9	1,8	29,4	10,7	59,9
1834	171	7,9	1,7	23,4	17	59,6
1850	171	8,2	1,8	17,1	15,3	67,6
<i>Зембинский униатский приход</i>						
1795	79	6,7	1,7	46	14	39
1811	72	9,2	2,1	32	8	60
1834	59	7,9	1,6	30,5	20,3	49,2
1850	48	9,5	1,9	22,9	12,5	64,6
<i>Бытчанский униатский приход</i>						
1795	110	8,9	2	38	12	50
1811	116	9,3	1,8	23	17	60

1834	109	8,2	1,8	30,5	13,7	56,3
1850	189	9,1	2	20,1	16,9	63

* Составлено по данным: *Носевич В.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. С. 167.

Крестьянская семья после отмены крепостного права, с точки зрения изменения семейной структуры, изучена недостаточно для получения надежных выводов. По расчетам К. Воробек, в черноземной земледельческой Воронежской губ. в 1887–1896 гг. доля составных семей равнялась 57,8 %, расширенных – 16,7, малых – 25,6 % (сведения охватывали 230 дворов)³³. В нечерноземной Костромской губ. около 1890 г. доля составных семей была намного меньше – 38,7 %, расширенных – 14,3 и малых – 47 %; средняя людность хозяйства равнялась 4 душам (сведения охватывали 62 двора)³⁴. В результате анализа подворных списков двух сел другой нечерноземной губернии – Московской – в 1869/1871 и 1886 гг. Х. Колле обнаружила, что у бывших государственных крестьян доля составных семей в течение 25 лет стабильно равнялась 42 %, а доля малых семей уменьшилась с 32,5 до 29,9 %, в то время как у бывших помещичьих крестьян процент составных семей увеличился с 53,2 до 62,5, а малых – уменьшился с 35,1 до 15,6³⁵. Воробек и Колле пришли к выводу, что составные семьи продолжали преобладать как в аграрных черноземных, так и в промышленно ориентированных губерниях.

Напротив, подсчеты М. Полла по карельскому населению Олонецкой губ. обнаруживают наличие тенденции к нуклеаризации семейной структуры: доля составных семей с 1858 по 1910 г. уменьшилась здесь с 54 до 38,5 %, а доля малых увеличилась с 21,1 до 41,8 % (см. табл. 3).

Наблюдения Полла совпадают с общей тенденцией, господствовавшей в пореформенной период. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., малая семья везде заняла доминирующие позиции. В целом по сельскому населению Европейской России доля односемейных или бессемейных дворов составила около 53,4 %, доля дворов с расширенной и составной семьей – 46,6 %³⁶. Средняя населенность крестьянского двора в Европейской России сократилась на треть – с 8,4 в 1850-е гг. до 6,2 в 1917 г.³⁷ Это также указывает на уменьшение доли составных и увеличение доли малых семей как тенденции, поскольку естественный прирост и, соответственно, среднее число детей в семье в пореформенное время возрастали. Тенденция к нуклеаризации, конечно, не исключает, существования поселений с семейной структурой, где составные семьи доминировали, на что указывали К. Воробек и Х. Колле.

Тенденция к нуклеаризации наблюдалась в пореформенное время и в Сибири. У крестьянства Тобольской губ. в 1897 г., по сведениям Всероссийской переписи населения (выборка, сделанная В. А. Зверевым, включает 6377 дворов), доля односемейных и бессемейных дворов составляла 55,9 % (в том числе односемейных – 51,2 %), доля дворов с расширенной и составной семьей – 42,8 % (в том числе с составной семьей – 25,6 %) ³⁸. То же обнаружено в других сибирских губерниях. Причем, чем более развитым в социально-экономическом отношении была губерния, тем больше там была доля малых семей, и наоборот. Средняя населенность двора уменьшилась ³⁹.

2. Городская семья

Семейная структура городского населения изучена еще хуже, чем сельского. В 1710–1720-е гг., судя по материалам переписей десяти городов (Белева, Боровска, Вятки, Зарайска, Малоярославца, Рязани, Торопца, Тулы, Углича, Устюжны), которые охватили 6719 дворов с населением в 38 180 человек, 51,7 % семей были малыми, 33,8 % – составными и 12 % – расширенными, 2,5 % состояли из одного человека или группы родственников. Процент составных семей сильно варьировал по городам – от 29,9 в Торопце до 57,6 в Рязани, как и малых (соответственно, от 67,3 до 33,2) ⁴⁰. Средний размер хозяйства равнялся 5,7 человека (при размахе вариации от 4,6 до 7,2). Интересно отметить, что зажиточные горожане чаще проживали составными или расширенными семьями, а бедные – малыми. Поскольку по людности (среднему числу членов семьи) составная семья примерно на треть превосходила средний двор ⁴¹, то, по-видимому, большинство торгово-промышленного населения проживало все-таки в составе расширенной и составной семьи. Малые семьи преобладали среди рабочих Петербурга в XVIII в. ⁴²

Московское купечество, по сведениям десяти ревизий, на протяжении XVIII – первой половины XIX в. предпочитало малые семьи, однако и там доля составных семей в разные годы варьировала от 16 до 23 %, доля семей из трех поколений в различные годы – от 11 до 18 % ⁴³. В малых и средних городах многосемейных дворов было больше, чем в столице. В Моршанске (15,8 тыс. жителей в 1863 г.) Тамбовской губ. в первой половине XIX в. в среде купцов преобладали расширенные и составные семьи, а у мещан – малые ⁴⁴. Как и в начале XVIII в., зажиточные представители бюргерства предпочитали составные или расширенные семьи, а бедные – малые. К середине XIX в. малая семья среди бюргеров, если судить по городам Ярославской и Киевской губерний, по-видимому, везде стала преобладающей: в аграрной Киевской губ. расширенные и составные семьи горожан

составляли 44 %, а в городах Ярославской губ. промышленной ориентации их было лишь 19 % (табл. 6).

Таблица 6

Распределение городских семей по типам в Ярославской и Киевской губерниях XIX в., %*

Тип семьи	Ярославская губ.				Киевская губ.							
	1850 г.		1897 г.		1845 г.						1897 г.	
					христиане		евреи		всево			
	Семей в выборке	Население семей	Семей в выборке	Население семей	Семей в выборке	Население семей	Семей в выборке	Население семей	Семей в выборке	Население семей	Семей в выборке	Население семей
Одинокие	39	12	11	3	–	–	–	–	–	–	7	1
Группа родственников	11	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Малая семья	31	31	71	63	56	33	43	23	46	26	63	50
Расширенная семья	6	10	–	–	10	11	11	10	11	10	–	–
Составная семья	13	41	18	34	34	56	46	67	43	64	30	49
В т. ч. большая	4	18	1	2	10	24	18	38	16	34	1	2

* Составлено по данным: О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861; Архив Русского Географического общества. Разр. 29 (Пермская губ.). Оп. 1. Д. 41; Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургское отд. Ф. 27. Оп. 1. Д. 128. Л. 3–4; *Перковский А. Л.* Эволюция семьи и хозяйства на Украине в XVII – первой половине XIX ст. // Демографічні дослідження. 1979. Вып. 4. С. ???.

Во второй половине XIX в. среди горожан малые семьи получили дальнейшее распространение и к концу XIX в. повсеместно стали главной формой семейной организации. В Киевской губ. на их долю приходилось 63 % всех семей, а в Ярославской – 71 % (см. табл. 5). В Тамбове в 1897 г. (48 тыс. жителей) малая семья преобладала среди всех социальных групп горожан⁴⁵. В Москве в 1897 г. (1038 тыс. человек) расширенными и составными являлись лишь 19 % всех семей⁴⁶.

Анализ семейной структуры мещан Казани (130 тыс. жителей) по семейным спискам 1898 г. показал, что на долю малых семей здесь приходилось примерно 30 % всех семей, расширенных – 13, составных – 11, одиночек – 25, и на группу родственников – 21 %⁴⁷. Поскольку средняя людность составной семьи в Казани была примерно в три раза больше,

чем малой, в рамках составной семьи проживало еще много мещан – около трети. Это свидетельствует о том, что составная семья к началу XX в. не стала реликтом, по крайней мере, среди мещан, на долю которых приходилось 43 % горожан Европейской России и 34 % горожан Казанской губ.⁴⁸ Следует иметь в виду, что казанский материал обладает спецификой: среди казанских мещан было много татар и евреев, которые более, чем русские, предпочитали расширенные и составные семьи.

В целом в Европейской России в 1897 г., по данным Всероссийской переписи населения, расширенные и составные семьи составляли около 26 % всех семей, в которых проживало до 46 % горожан⁴⁹.

По мнению исследователей, изучавших семейную структуру городского населения **Сибири**, в течение XVIII – начала XX в. горожане предпочитали малую семью, хотя и составная семья была широко распространена. С течением времени семейная структура упрощалась, и в начале XX в. малая семья заметно потеснила составную⁵⁰. В трех городах – Томске (около 21 тыс. жителей), Барнауле (11,3 тыс.) и Бийске (5,1 тыс.) – у купечества в 1866 г. доля составных семей равнялась 39,6 %, малой – 53 %, в 1904 г. – соответственно, 14,8 и 75,2 %⁵¹. Вследствие большей людности составных семей в них проживало больше населения, чем в малых.

Таким образом, имеющиеся данные о семейной структуре населения России позволяют предположить, что среди *русских* крестьян, начиная со второй половины XVI и до середины XIX в., большинство дворов было многосемейными. В Белоруссии и на Украине составные семьи стали преобладать с конца XVIII в. В XVIII и первой половине XIX в. тенденция к увеличению и усложнению состава семей усилилась, и накануне отмены крепостного права в 1861 г. почти повсеместно, включая Белоруссию и Украину, но исключая Прибалтику, стали преобладать составные семьи, хотя около трети дворов являлись односемейными. До середины XIX в. составная семья нередко перерастала в патронимию, объединявшую много брачных пар и до 100 человек. Даже в 1850-е гг. в каждой губернии встречались тысячи семей, насчитывавших 20–30 и более человек, хотя их доля была невелика – 0,3–1,6 %⁵². Это свидетельствует о том, что патронимия не стала атавизмом в середине XIX в. Сделанный вывод подтверждается данными об увеличении средней людности крестьянского двора в целом по Европейской России: в 1678 г. она равнялась примерно 7,4, в 1710 г. – 7,6, в 1850-е гг. – 8,4 человека⁵³. После отмены крепостного права большее распространение получила малая семья, к концу XIX в. она стала преобладающей. Однако если счет перевести с числа дворов и семей на численность населения в семьях разного типа, то и в начале XX в. большинство российских крестьян проживало в рамках сложных семей.

Среди бюргерства на протяжении XVI–XIX вв. также бытовали разные формы семейной организации, но чаще всего преобладали малые и расширенные семьи. Некоторые исследователи полагают, что так было уже в Киевской Руси в X–XIII вв.⁵⁴

Оценивая полученные результаты, мы не должны забывать, что они обладают большой степенью условности, так как *в существенной мере зависят от критерия объединения людей в одно хозяйство*. В течение XV–XVII вв. таким критерием для переписчиков, как правило, служило проживание в одном дворе: семья – это двор и двор – это семья. Реальные отношения между людьми во внимание не принимались. Однако несколько дворов также могли составлять одну семью: семейные группы (они назывались *складнической* семьей, *семьей-товариществом*), объединявшие несколько дворов родственников, а иногда и неродственников, с коллективным трудом и потреблением, имели широкое распространение в России. В колонизируемых регионах (в Сибири и Среднем Поволжье) семьи-товарищества продолжали бытовать и в XVIII–XIX вв.⁵⁵ При переписях они как единая семья не фиксировались, что должно было завышать **занижать?** число сложных семей.

Результаты классификации семей зависели и от использованных источников. Например, семейные структуры по данным ревизий и приходских списков (исповедных книг) существенно различались (табл. 7).

Таблица 7

Распространенность семей с разным типом структуры в с. Рассказово Тамбовской губ. по данным разных источников (начало XIX в.), %*

Тип семьи	Ревизия 1816 г.	Приходской список 1811 г.
Одинокие	3,6	–
Группа родственников	5,0	–
Малая семья	24,5	13,6
Расширенная семья	12,5	12,4
Составная семья	53,3	73,9
Итого:	98,9	99,9

* Составлено по данным: *Морозова Э. А.* Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере с. Рассказово Тамбовской губ.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; *The Development of the Family Structure in the Tambov Region, 1800–1917 / V. Kanitshchev, R. Konchakov, Y. Mizis, E. Morozova // Where the Twain Meet Again: New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development 1750–1917. Groningen; Wageningen, 2004. P. 239–262.*

Как видим, два источника дают существенно разные семейные структуры. По данным священника, одиночки и группы родственников как типы семьи не существовали, доля малых семей была меньше, а составных – больше на 20,6 %. Какую семейную структуру

отражает официальный источник – ревизия и неофициальный – приходской список? Чью точку зрения отражал приходской список – священника или крестьян, а может быть, тех и других? Ревизия отражала ту семейную структуру, которую конструировал переписчик, исходя из инструкции и фискальных интересов государства, а приходской список структурировал крестьян как прихожан, ведь священник зафиксировал семью такой, какой она приходила в церковь на исповедь и причастие. Так, ревизия показала независимое существование одиноких несовершеннолетних детей, что было невозможно, а в приходском списке одиноких вообще не зафиксировано. Была ли семья крестьян прихожан тождественна семье как хозяйственному или фискальному союзу? Какой источник предпочтительней?

До сих пор большинство исследователей отдавали предпочтение официальным переписям (писцовым и переписным книгам и ревизиям). Однако высказаны и другие мнения. Русские земские статистики в конце XIX – начале XX в. считали официальный счет дворов по ревизиям *искусственным*, не соответствовавшим числу реальным хозяйств⁵⁶. Э. Уарис показала, что применительно к Восточной Финляндии XVIII–XIX вв. официальная перепись не отражала реальных связей между людьми. Идентификация хозяйств по конфирмационным и исповедным книгам, документам о наследовании и судебных спорах дает совсем другую картину: большое число крестьян проживали в рамках семей-товариществ, как это было и на Севере России в XVII–XVIII вв., которые официально были малыми семьями, а реально – составными и расширенными. То же наблюдаем в с. Рассказово: в семейной структуре по исповедным и приходским спискам составных семей оказалось в 1,5 раза больше, чем по переписи (ревизии).

Данные о семейной структуре получены, как правило, на основе микроисследований отдельных небольших поселений. Однако семейная структура отдельных, как правило, небольших поселений подвержена сильной изменчивости результатов по отдельным годам, что делает крайне рискованным распространение полученных выводов на другие поселения и территории. В безукоризненно выполненном исследовании, основанном на ревизских сказках и метрических ведомостях, получены следующие результаты о семейной структуре трех помещичьих деревень Московской губ. за 1811–1857 гг. (табл. 8).

Таблица 8

Демографические характеристики крепостного крестьянства Московской губ. в первой половине XIX в. по данным ревизий*

Показатель	1811 г.	1815 г.	1834 г.	1850 г.	1857 г.
Кол-во хозяйств в выборке	129	135	127	228	212

Среднее число членов в одном хозяйстве	4,8	9,0	12,0	7,0	7,0
Население во всех хозяйствах, человек обоего пола	619	1215	1524	1596	1484
Доля лиц одиноких, %	20,9	11,9	11,0	5,7	4,3
Доля малых семей, %	41,1	34,8	18,9	27,6	32,6
Доля расширенных семей, %	38,0	8,8	7,9	2,6	4,7
Доля составных семей, %		44,0	62,7	64,3	55,3

* Составлено по данным: *Blum A., Troitskaya I., Avdeev A. Family, Marriage and Social Control...* P. 88–92.

Мы наблюдаем резкие колебания в семейной структуре и в людности крестьянского хозяйства от ревизии к ревизии, что объясняется: а) неточностью данных ревизий и метрик; б) большими колебаниями смертности вследствие эпидемий, неурожаев и войн (например, данные за 1815 и 1857 гг. находились под сильным влиянием недавней войны и эпидемии холеры 1852–1856 гг., за 1834 и 1850 г. – под влиянием неурожая и эпидемий холеры 1830–1833 и 1847–1849 гг.⁵⁷); в) вмешательствами помещика и общины⁵⁸, которые искусственно накануне ревизии изменяли семейную структуру общины для решения финансовых, земельных или рекрутских проблем; г) малым составом выборок (129–228 хозяйств), когда каждый двор оказывал влияние на общие показатели семейной структуры.

3. Семейная структура и жизненный цикл семьи

Все группировки крестьянских семей по типам дают представление о семейной структуре крестьянства *на момент группировки*, то есть *в статике*. Но каждое хозяйство было живым организмом, в течение своего существования оно переживало жизненный цикл: испытывало рост, упадок и другие процессы. При нормальных условиях малая, расширенная, составная семьи на самом деле представляли собой *отдельные стадии в жизненном цикле крестьянского хозяйства*, ибо малая семья становилась расширенной, составной, иногда патронимией, а составная семья и патронимия после раздела распадались на малые семьи. Динамические переписи крестьянских хозяйств конца XIX – начала XX в., в ходе которых в течение 4–20 лет прослеживалась судьба каждого крестьянского хозяйства, со всей очевидностью обнаружили эти метаморфозы⁵⁹. В каждый момент около 70 % хозяйств испытывали рост своего состава, 20 % – разделялись, оставшиеся 10 % хозяйств либо выселялись из деревни и прекращали свое существование, либо вселялись из других мест, либо соединялись или распадались. Следовательно, доля малых, расширенных и составных семей в семейной структуре населения показывает,

какое число крестьянских хозяйств находилось на стадии малой, расширенной и составной семьи. Если преобладали составные семьи, значит, большинство хозяйств находилось на стадии составной семьи, если малые семьи, то большинство было на стадии малой семьи. Соответственно, уменьшение доли составных семей при параллельном увеличении доли малых показывает, что время пребывания на стадии составной семьи у большинства хозяйств стало сокращаться, а на стадии малой семьи – увеличиваться.

Жизненный цикл крестьянской семьи в течение XVI – начала XX в. оставался в принципе одинаковым. Тем не менее, после отмены крепостного права происходило уменьшение людности дворов, увеличение доли малых и уменьшение доли составных семей, несмотря даже на то, что в последней трети XIX в. естественный прирост населения увеличивался.

Несколько факторов объясняют этот парадокс. Во-первых, происходило уменьшение доли патронимий, ввиду того, что перерастание составной семьи в патронимию из распространенного обычая становилось исключением даже в аграрных регионах. Патронимии держались исключительно властью и авторитетом «стариков»; молодежь предпочитала малую семью, но не выделялась из составных семей из-за страха лишиться имущества при разделе. Во-вторых, практически каждая составная семья по достижении определенного уровня развития или после смерти главы семьи делилась, тогда как при господстве крепостнических отношений до 1861 г. по крайней мере 10 % хозяйств вообще не делилось, все время оставаясь в группе составной семьи. Это следует из того, что, согласно подсчетам С. Хока по тамбовскому поместью Петровское за 1813–1856 гг., 10,1 % мужчин в возрасте 50–59 лет никогда не были главами семей, или большаками⁶⁰. В-третьих, состав семей стал все чаще ограничиваться прямыми родственниками по нисходящей или восходящей линиям, что приводило к уменьшению людности дворов. В-четвертых, в пореформенной деревне появилось перенаселение, которое выталкивало миллионы крестьян из деревни в город, в промышленность и даже в эмиграцию, вынуждало их заниматься неземледельческими промыслами. В города за 1870–1896 гг. переселились 8,6 млн из 101,3 млн российских крестьян – почти каждый десятый, вследствие чего к 1897 г. 51,9 % городских жителей были неместными уроженцами⁶¹. В 1897–1916 гг. переселенческое движение на окраины охватило более 5 млн человек, несколько миллионов крестьян стали большую часть года проводить в городах, возвращаясь в деревню на время жатвы и сенокоса⁶². Миграция крестьянства сдерживала процесс формирования составных семей в деревне. Наконец, обычай не делиться при жизни отца все чаще нарушался. Рост семейных разделов в пореформенное время приводил не только к разложению патронимий – больших патриархальных семей,

но и к уменьшению продолжительности пребывания крестьянского хозяйства на стадии составной семьи⁶³.

Таким образом, ни составная, ни малая семья не являлись главными формами семейной организации крестьянства в XVI – начале XX в.; и та, и другая были лишь одной из стадий внутреннего развития крестьянского хозяйства для преобладающего числа крестьян в определенный период жизни. Стадия составной семьи, как правило, совпадала с детством, юностью человека – от рождения до 20–25 лет и старостью (60 и старше); стадия малой и расширенной семьи – со зрелостью (от раздела составной семьи и образования самостоятельного хозяйства до его превращения в составную семью). До 1860-х гг. стадия составной семьи была практически обязательной для всех хозяйств и к тому же самой продолжительной, а около 10 % крестьян всю свою жизнь проводили в составной семье. Когда говорится, что в пореформенное время малая семья потеснила составную, то, в сущности, речь идет о том, что некоторые малые семьи вообще не перерастали в составные, а патронимия как стадия развития крестьянской семьи стала исключением. Вместе с тем вплоть до начала XX в. составная семья представляла собой важную, хотя, наверное, не самую продолжительную стадию развития хозяйства для значительной части крестьян в период их детства, юности и старости.

Демографическое воспроизводство населения в XVI – первой половине XIX в. подчинялось традиционному режиму: ранние и почти всеобщие браки (около 20 %), мизерный целибат, ничтожное число разводов (0,03 %), частые браки вдов и вдовцов, высокая стихийная рождаемость (около 50 %), высокая смертность (35–40 %), низкая ожидаемая продолжительность жизни (25–27 лет). Во второй половине XIX – начале XX в. произошли небольшое снижение смертности и повышение естественного прироста населения и средней продолжительности жизни (до 33 лет в 1900-е гг.)⁶⁴. Практика наследования не изменялась: раздел семьи, как правило, происходил после смерти патриарха, и принцип единонаследия не действовал. Вследствие этого соотношение простых и сложных семей среди русского крестьянства в XVI–XIX вв. непосредственно зависело от того, как часто родственники разделялись после смерти патриарха – главы семьи. Если бы частота разделов была постоянной, то и семейная структура крестьянства не изменялась бы.

Семейные разделы – это центральный пункт семейной структуры. Не случайно всякий раз, когда происходили изменения в семейной структуре, законодательство и общественное мнение обращало пристальное внимание на семейные разделы. Переход от поземельного к подворному налогообложению в 1678 г. привел к уменьшению числа налогоплательщиков вследствие уменьшения числа дворов и увеличения доли сложных

семей. Правительство прибегло к мерам, способствующим увеличению семейных разделов, и ввиду их неудачи заменило подворную систему налогообложения на подушную. После перехода к подушному налогообложению в 1718–1719 гг. у крестьян исчез стимул к искусственному поддержанию составных семей, а после введения в 1705 г. рекрутской повинности, от которой освобождались семьи с одним и двумя работниками, у них появился стимул к разделам, чтобы избежать рекрутства. Число семейных разделов стало увеличиваться. Коронные власти в государственной деревне и помещики в своих имениях стали принимать меры к ограничению семейных разделов, поскольку последние, по их мнению, подрывали благосостояние крестьян, и придерживались ограничительной практики до отмены крепостного права. В пореформенное время семейные разделы участились, что вело к увеличению доли малых семей. Коронные власти и общественность забеспокоились, по-прежнему полагая, что сложные семьи обеспечивали более высокий жизненный уровень. И правительство в 1886 г. издает закон, ограничивающий право крестьян на раздел (требовалось согласие общины, а она, как правило, была против раздела).

4. Факторы длительного существования сложных семей

В России, за исключением Прибалтики, в XVI–XIX вв. собственниками земли являлись государство и помещики. Крестьяне только владели землей. Причем, владели землей не индивидуально, а коллективно. Община получала землю от государства или помещика и передавала ее отдельным хозяйствам. Субъектом *владения* землей являлись община и семья, а не индивид. Обычное право запрещало раздел семьи при жизни главы семьи вопреки его желанию. Когда же раздел происходил, то в наследовании недвижимого имущества участвовали все взрослые дети мужского пола, а движимого – и другие члены семьи. (Принцип единонаследия в России не получил распространения. Петр I в 1714 г. ввел его среди дворян, несмотря на их возражения. Однако вскоре после смерти императора, в 1730 г., указ о единонаследии по ходатайству дворянства был отменен.) Семейное владение землей и семейный (коллективный) характер собственности на другое недвижимое имущество и отсутствие единонаследия объективно служили факторами, поддерживающими многосемейное хозяйство.

Составные семьи, особенно в период господства крепостнических отношений, энергично поддерживались помещиками, коронной администрацией и общиной по экономическим соображениям. Выполнять барщину малым семьям было крайне затруднительно, а расширенным и составным – легче, потому что сельскохозяйственные

работы в крестьянском и помещичьем хозяйствах производились одновременно. В оброчных имениях крестьяне-мужчины уходили на посторонние заработки ради оброка. И в этом случае малая семья, оставшись на длительный срок без работника, не могла поддерживать крестьянское хозяйство, а расширенная и составная с этой задачей справлялись. В случае рекрутского набора уход единственного или одного из двух работника навсегда в армию из малой семьи подрывал ее благосостояние, а в составной семье рекрутская повинность переносилась легче. Законодательство это принимало во внимание, запрещая брать рекрутов из семьи с одним или двумя работниками. Поэтому нет ничего удивительного в том, что помещики (они владели 60 % всех крестьян в 1795 г. и 47,2 % в 1857 г.) и коронная администрация казенных имений (ей подчинялось 36,5 % всех крестьян в 1795 г. и 48,9 % в 1857 г.), будучи заинтересованными в исправном поступлении налогов и рекрутов, поддерживали составные семьи и запрещали семейные разделы, если это ослабляло их платежеспособность. Крестьянская община, члены которой были связаны круговой ответственностью в несении повинностей в пользу помещиков и уплате налогов в казну, была также озабочена платежеспособностью крестьянских хозяйств, а потому поддерживала составные семьи и ограничивала семейные разделы.

При прочих равных условиях у крестьян, занятых в земледелии, составная семья сравнительно с малой обеспечивала бóльшую экономическую эффективность благодаря семейной кооперации на основе половозрастного разделения труда. Многосемейность сообщала крестьянскому хозяйству устойчивость и являлась важным фактором крестьянского благополучия. В малой семье болезнь или смерть одного и часто единственного работника приводили хозяйство к упадку, потому что в России рынок сельскохозяйственных рабочих появился только после отмены крепостного права, да и в начале XX в. он был еще слабо развит. До 1860-х гг. найти сельского работника в случае необходимости представляло большие трудности, вследствие чего и его зарплата была высокой. В составной семье потеря одного работника была серьезным ударом по благосостоянию, но не оказывала катастрофического влияния на хозяйство.

В условиях высокой смертности и низкой средней продолжительности жизни составные семьи страховали детей от высокой смертности родителей (сирот, которых насчитывалось до 13 % от общего числа детей в возрасте до 15 лет, воспитывали родственники), родителей – от высокой смертности детей, бесплодных – от отсутствия детей. Они давали приют немощной старости, страховали от болезней. Социальную помощь в тяжелых жизненных ситуациях и при наступлении старости в XVI–XIX вв. как сельское, так и городское население получало преимущественно от детей, родителей, иных

родственников, в незначительной степени – от соседей, общины, прихода, помещика, благотворителя и практически не получало от государства.

При ранних браках и, соответственно, раннем материнстве и отцовстве в составной семье могла осуществляться социализация и культурная преемственность отцов и детей, столь важная для устной культуры, основанной на непосредственной передаче опыта от одного поколения к другому. Тем более в условиях, когда семья являлась главным агентом социализации. Кроме того, именно в составных семьях воспроизводились патриархальные отношения, утверждались авторитет и власть стариков, так как дети подчинялись главе семьи (большаку) и его жене (большухе) – главе женской части семьи, то есть деду и бабке, в большей степени, чем родителям. В имении Петровское в 1813–1856 гг. среди мужчин в возрасте 25–29 лет главами семей были лишь 8,9 %, в возрасте 30–34 лет – 23,1, в возрасте 35–39 лет – 35,1, в возрасте 40–49 лет – 65,8 и в возрасте 50–59 лет – 89,9 %. В возрасте до 40 лет около 78 % мужчин находились в семье и общине на вторых ролях⁶⁵. Городские общины до середины XIX в. в этом отношении не отличались от сельских. В 1710-е гг. в десяти городах, в которых проживали 6719 семей и 38,2 тыс. человек, лишь 6,9 % хозяйств возглавляли мужчины в возрасте 20–29 лет, 16,8 % – в возрасте 30–39 лет, все остальные 71,9 % хозяйств возглавляли мужчины старше 40 лет⁶⁶.

Россия в течение рассматриваемого времени была колонизирующейся страной, имела открытую или подвижную границу, недостатка земли не испытывала, а население тех местностей, где наблюдалось малоземелье, всегда имело возможность для переселения. Это хорошо видно из данных таблицы 9.

Таблица 9

Численность переселенцев по районам вселения в 1678—1915 гг., тыс. человек*

Район вселения	1678–1740 гг.	1740–1782 гг.	1782–1858 гг.	1870–1896 гг.	1897–1915 гг.	1678–1915 гг.
Черноземный Центр	260	370	–	–	–	630
Север, Сибирь и Казахстан	90	–	517	926	3520	5053
Новороссия	–	135	1510	1045	333	3023
Поволжье и Приуралье	–	270	968	358	80	1676
Северный Кавказ	–	–	565	1687	296	2448
Итого:	350	775	3560	4016	4229	12 830

* Составлено по данным: Бескровный Л. Г., Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Миграции населения России в XVII – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып. 2. С. 26–32; Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX в. // История СССР. 1984. № 4. С. 41–59.

Русские пословицы «На всякую душу Бог зарождает», «Родись человек, и краюшка хлеба готова» имели в виду как раз обилие земли, а у русских крестьян еще и обеспеченность каждого крестьянина землей благодаря регулярным земельным переделам. Многоземелье, как и слабое развитие промышленности, транспорта и сферы услуг, низкие темпы урбанизации, являлись факторами, укрепляющими расширенные и составные семьи, поскольку, как мы видели, занятие земледелием мотивировало крестьян на приверженность сложной семье.

Важным фактором склонности крестьян к составной семье являлось слабое развитие индивидуализма. Жизнь в составной семье требовала от каждого домочадца принесения в жертву своих личных интересов (а также интересов своей жены и детей) в пользу интересов целого дома, заставляла всех подчиняться большаку, а женщин – также и большухе. Для человека с развитым чувством личного достоинства и индивидуализма это нелегко, а в течение долгого времени – вряд ли вообще возможно. Развитие индивидуализма отмечено современниками накануне и особенно после отмены крепостного права.

Словом, до определенного момента составная семья наилучшим образом обеспечивала развитие сельского хозяйства, воспроизводство населения, социальную защиту стариков и детей, культурную преемственность поколений, социализацию молодого поколения. Именно поэтому она во время крепостного права постоянно получала сильную поддержку со стороны помещика в частновладельческой деревне, со стороны коронной администрации в казенных имениях и со стороны патриархов в общине⁶⁷.

Анализ семейных разделов в пореформенной деревне помогает лучше понять факторы, скрепляющие и разделяющие составную семью. Современники почти единодушно утверждали, что имелись две группы причин разделов – экономическая и психологическая. Развитие неземледельческих занятий, в которые было вовлечено около 23 % взрослого населения, минимизировало экономические выгоды от семейной кооперации, а растущее малоземелье в центральных губерниях делало кооперацию вообще ненужной. Малая семья, как более пластичная, была лучше приспособлена к колебаниям экономической конъюнктуры и развивавшемуся товарному хозяйству, ориентированному на рынок в условиях, когда появился рынок труда и временный дефицит рабочей силы мог быть ликвидирован за счет найма сельскохозяйственных рабочих⁶⁸. Подрывало составную семью также развитие личной собственности и индивидуализма у членов семьи.

Современникам казалось, что психологическая группа факторов имела даже большее значение. Падение авторитета стариков, ослабление родительской власти, нарушение обычаев, запрещающих делиться при жизни родителей, рост индивидуализма

среди молодого поколения, его желание освободиться от опеки старших и жить самостоятельно вели к семейным ссорам, что в конце концов приводило к семейным разделам. Опрос крестьян Ярославской губ. в 1873–1883 гг. о причинах разделов показал, что, по их мнению, ссоры между домочадцами вызывали 41,1 % разделов, предосудительное поведение – 21,5, появление мачехи, т. е. новой большухи, – 15,2, недостаток жилого пространства в доме и слишком большой размер семьи – 11,6, желание выехать из деревни – 4,5, прочие причины – 6,1 %. Перечисленные причины, по крайней мере внешне, более чем на 83,9 % имели психологический характер. Стремление к хозяйственной самостоятельности пересиливало экономические выгоды составной семьи там, где они еще сохранялись. Отделявшихся не останавливала даже потеря собственности, так как в результате разделов 35 % отделившихся семей не получили никакого имущества или получили очень мало⁶⁹. Независимость стала так высоко цениться крестьянами, что они готовы были платить за нее даже благосостоянием. «Спросите любого из здешних крестьян, где лучше работать, в большой или малой семье, он ответит вам всегда одно и то же: “В большой семье беспример лучше робить”... Но предложите крестьянину вопрос: “А где лучше жить – в большой семье или маленькой?” И он Вам тотчас же ответит: “Не приведи Бог никому жить в большой семье!”»⁷⁰.

Постепенное уменьшение длительности фазы составной семьи в жизненном цикле крестьянского двора (в связи с изживанием патриархальных традиций в психологии людей и развитием индивидуализма) имело принципиальное значение. Если люди в массе становились более индивидуалистами, то их отказ от малых семей и возвращение в лоно составных становились весьма проблематичными. Психология здоровых людей, как правило, не знает регрессии, поэтому реставрация патриархальных семей – вещь маловероятная. Не случайно развитие малой семьи в пореформенное время совпало с изживанием общинных отношений и разрушением общины, которая являлась, в сущности, продолжением составной семьи.

5. Влияние крепостного права на семейную организацию

Теперь обратимся непосредственно к вопросу о влиянии крепостного права на семейную структуру русского крестьянства. Подчеркну, что здесь речь пойдет именно о *русском, а не российском крестьянстве*, так как в пределах империи крестьяне, принадлежавшие к белорусскому, украинскому, эстонскому, татарскому, грузинскому и другим многочисленным этносам, проживали во многом в различных условиях.

Наследование, землевладение, юридические обычаи, имущественные отношения в национальных и великороссийских регионах существенно различались.

Крепостное право развивалось в деревне стихийно и постепенно в течение XVI в. под влиянием экономической задолженности. В конце века серия указов правительства завершила его юридическое оформление на всей территории Московского государства, прикрепив крестьян к земле, на которой они находились в момент издания указа, и к владельцам этой земли – помещикам, государству, монастырям и прочим, ставшим субъектами крепостного права. В начале XVII в., в Смутное время, закрепостительные указы потеряли свою силу, но были восстановлены Уложением 1649 г. От середины XVII в. и до середины 1770-х гг. владельческие права на крестьян увеличивались, но после мощного крестьянского восстания в 1773–1775 гг. государство стало проводить политику по их ограничению⁷¹. В правовом положении владельческие, удельные (принадлежавшие правящей династии), монастырские, казенные и другие категории крестьян различались не принципиально: все они несли оброчные или барщинные повинности, прикреплялись к месту жительства, были по рождению приписаны к своей сословной группе и не могли изменить социальный статус по своему желанию; они были связаны круговой порукой, находились под контролем своих владельцев, ограничивались в правах (им запрещалось заниматься откупам и подрядами, вести портовую торговлю, открывать фабрики и заводы, обязываться векселями и т. п.). Разница состояла лишь в степени зависимости: у помещичьих крестьян, особенно у барщинных, крепостная зависимость была сильнее и грубее, у других категорий, особенно у казенных и удельных, – мягче.

Имеющиеся данные показывают, что семейная структура у различных категорий крестьян была весьма схожей. Свообразием отличались только дворовые (крепостные, находившиеся в личном услужении своим господам и лишенные земли) – у них малые семьи всегда преобладали. Накануне реформы 1861 г. дворовые составляли 6,8 % от общего числа крепостного населения, причем их было больше у крупных помещиков (имения которых обычно исследуются) и меньше – у мелких. При подворных описаниях имений дворовые, как правило, не учитывались. В силу этого в семейной структуре имений доля малых семей и одиночек занижалась.

Изменялась семейная структура у разных категорий крестьян тоже синхронно. Различия в семейных предпочтениях крестьянства не зависели от их принадлежности к той или иной сословной категории. Некоторое влияние на семейную структуру, вероятно, оказывали профессиональные занятия. У крестьян, занятых исключительно в земледелии, доля расширенных и составных семей была выше сравнительно с теми, кто преимущественно и дополнительно занимался торговлей, кустарными промыслами,

работал в промышленности и на транспорте. На зависимость между занятием и семейной структурой указывает также общее увеличение доли простых семей среди крестьян во второй половине XIX – начале XX в., когда они повсеместно стали в большей степени, чем прежде, работать в промышленности, торговле, кустарных промыслах, на транспорте, в сфере услуг. Поэтому мы можем предположить, что земледельческие занятия крестьян до некоторой степени способствовали развитию у них сложных семей, а неземледельческие занятия – более простых. Возможно, об этом свидетельствует и семейная структура у низшей страты бюргерства – мещанства, у которого доля простых семей была выше, чем у крестьян. Однако сильной и прямой зависимости между занятием и семейной структурой все-таки, по-видимому, нет, поскольку у более состоятельного слоя бюргерства – купечества – сложных семей было больше, чем у мещанства. Причина состояла в том, что купцы, не желая дробить капитал, воздерживались от семейных разделов. В России семейные разделы фатально приводили к дроблению капитала ввиду того, что отсутствовала практика единого наследия. Получается, что в случае с купцами наследование имело большее значение, чем характер экономической деятельности. Однако у крестьян получилось по-другому. Законодательное ограничение семейных разделов (желающие разделиться должны были получить согласие общины) в 1886 г. не привело к увеличению доли сложных хозяйств, нуклеаризация семьи в 1880–1900-е гг. продолжалась.

Нельзя не напомнить, что налоговая система также влияла на семейную структуру крестьян. Например, в 1678 г. поземельный принцип начисления прямых налогов был заменен подворным. В стремлении уменьшить тяжесть налогов крестьяне и помещики старались сводить дворы в одну усадьбу и не делиться. В результате число лиц в одном дворе стало возрастать, в начале XVIII в. в отдельных случаях оно достигало невероятной величины. Имение А. В. Кикина в Новгородской губ. в 1717 г. включало 135 дворов, 360 изб и 2269 человек, т. е. здесь приходилось по 16,8 человека на двор, 6,3 человека на избу и по 2,7 избы на двор⁷². Однако замена в 1718–1719 гг. подворного налогообложения подушным, когда стимул для поддержания сложных семей пропал, не привел к уменьшению доли сложных семей – она продолжала увеличиваться. Переход от подушного к поземельному налогообложению в 1880-е гг. также не сказался на семейной структуре. Следовательно, налоговая система не являлась решающим фактором семейной организации крестьянства, хотя некоторое влияние на нее оказывала.

При крепостном праве в XVIII в. доля расширенных и составных семей была существенно выше, чем при крепостном праве в XVII в., а при крепостном праве в первой половине XIX в. – выше, чем в XVIII в. Отсюда следует, что главная причина изменения

семейной структуры заключалась не в крепостном праве. Если бы именно крепостничество являлось главным фактором превалирования сложных хозяйств в XVII – первой половине XIX в., то после отмены крепостного права в 1860-е гг. должно было бы наблюдаться *немедленное и быстрое* увеличение доли простых семей. Однако, как было показано выше, нуклеаризация семьи в пореформенное время происходила медленно и постепенно, что указывает на *многофакторную природу этого процесса*.

Бросается в глаза такая параллель: с усилением крепостничества в 1650–1775 гг. росла доля сложных семей в деревне. Напрашивается предположение, что помещик или казна, заинтересованные по фискальным соображениям в сложной семье, получили больше возможностей для воздействия на крестьян и этим воспользовались. Однако с наступлением периода ослабления владельческих прав крепостников, в 1775 – 1850-е гг., доля составных семей продолжала увеличиваться. Кроме того, семья всегда являлась инструментом защиты крепостных крестьян от произвола их господ. Поэтому можно предположить, что усиление крепостничества в 1650–1775 гг. стимулировало крестьян на поддержание сложной семьи, являясь их ответной защитной реакцией. Кроме того, усиление крепостничества в XVIII в. было в значительной степени обусловлено стремлением всех душевладельцев увеличить свои доходы от оброка и барщины, потому что при командной экономике насилие являлось главным, а часто и единственно доступным в тех условиях средством повысить доходность крепостного труда. Следовательно, не само по себе крепостное право, а повышение потребностей у всех крепостников под влиянием европеизации российской жизни оказало некоторое влияние на увеличение доли сложных семей у крестьянства.

Что объединяет XVIII и первую половину XIX в. в один период, так это коммерциализация сельского хозяйства: товарность в начале XIX в., по приблизительным оценкам, составляла 9–12 %, в 1850-е гг. – 17–18, а в 1909–1913 гг. – около 31 % чистого сбора основных земледельческих продуктов⁷³. Принципиальные события социально-экономической истории России XVIII в. – революция цен, сделавшая сельскохозяйственные занятия выгодным делом; освобождение дворян от обязательной службы в 1762 г., давшее им возможность активно заниматься своими имениями; выход России на берега Балтийского и Черного морей, открывший широкие перспективы для экспортной торговли, – объективно способствовали коммерциализации. Однако и правительство систематически принимало меры по стимулированию развития рыночной экономики. В 1703 г. в Санкт-Петербурге была основана первая в России товарная и вексельная биржа. В 1717 г. разрешен свободный вывоз пшеницы за границу и облегчены условия вывоза других хлебов (разрешение экспорта обуславливалось уровнем хлебных

цен). В 1724 г. введен первый единый таможенный тариф, в 1739 г. – первый вексельный устав. В 1740 г. во всех губерниях устроены почты. С 1 апреля 1754 г. отменены внутренние таможи. В 1762 г. разрешен свободный экспорт хлеба, благодаря чему Россия становится крупным экспортером хлеба в Европу. Также в 1762 г. уничтожаются все торговые и промышленные монополии. В 1775 г. разрешено свободное открытие промышленных предприятий, а в 1780 г. упраздняется государственный контроль за промышленностью, введенный Петром I. В 1818 г. крестьяне получили право заниматься промышленной деятельностью (торговой им разрешалось заниматься и раньше, при условии уплаты дополнительных налогов). Однако коммерциализация экономики в XVIII и первой половине XIX в. сопровождалась увеличением доли составных семей, а в последней трети XIX и начале XX в. – их уменьшением.

Таким образом, однофакторное объяснение изменения семейной структуры – практикой наследования, коммерциализацией, налоговой системой, крепостным правом и т. п. не является достаточным. Всегда действовала группа социальных, экономических, юридических и даже психологических факторов; их оригинальная комбинация оказывала влияние на семейную структуру крестьянства в данный момент. Среди этих факторов в XVI – первой половине XIX в. заметное место принадлежало и крепостному праву, которое, впрочем, само было порождено совокупностью политических, социальных и экономических обстоятельств.

Подведем итоги

У крестьянства и горожан в течение XVI – начала XX в. разные формы семейной организации мирно сосуществовали. Соотношение разных типов семьи изменялось и находилось в зависимости от обстоятельств и условий хозяйствования. По имеющимся данным, со второй половины XVI в. и до середины XIX в. у крестьян количественно преобладали расширенные и составные семьи, хотя соотношение между односемейными и многосемейными дворами изменялось. Со второй половины XIX в. начался *непрерывный процесс нуклеаризации* семейной структуры, в результате которого сложные семьи постепенно вытеснялись малой сначала в городе, а потом в деревне.

Российский материал показывает, что люди *не всегда* предпочитали малую семью и простое домохозяйство и не только по необходимости соглашались на сложные формы семейной организации. Долгое время именно сложные семьи рассматривались в качестве нормы, считались идеальной моделью существования людей, а малые семьи – печальной необходимостью. Ситуация изменилась после Великих реформ 1860–1870-х гг., которые

открыли широкий путь для развития капитализма, с характерными для него рыночной экономикой, частной собственностью, индивидуализмом. Вторая важнейшая причина изменения семейной структуры после отмены крепостного права в 1860-е гг. заключалась в промышленной революции, которая пришла в Россию в 1860–1870-е и завершилась в 1920–1930-е гг. Именно она преобразовала экономику, общество и человека, объективно и субъективно способствовала формированию новой модели семейной организации населения, в которой малая семья стала идеалом. Об этом говорит история семьи в советское время. После революции 1917 г. в России установился новый контрбуржуазный режим, который отрицал и рыночную экономику, и частную собственность, и индивидуализм. Однако рецидива составной семьи не произошло. Процесс нуклеаризации семьи продолжился. В 1994 г. в Российской Федерации на составные семьи приходилось лишь 3,6 % всех семей⁷⁴. Эти оставшиеся составные семьи чаще всего удерживало от раздела отсутствие надлежащего жилья.

Российский материал свидетельствует о *наличии тенденции* изменения семейной структуры в пользу простых форм и подтверждает правоту выводов Дж. Хайнала и П. Ласлетта о существовании такой тенденции применительно к России. Как известно, выводы Дж. Хайнала и П. Ласлетта с самого начала подвергались критике, и в настоящее время не всем они кажутся бесспорными. Р. Грассби, составивший уникальную базу данных о 28 тыс. семей в англоязычных странах за 1580–1740 гг., пришел к выводу, что ни одна теоретическая модель, объясняющая историческую динамику семьи, не подтверждается его эмпирическими данными⁷⁵. Так думает и Р. Уолл. Между 1750 и 1950 гг., напоминает он, встречались случаи перехода простых семейных форм в сложные, и наоборот. В Венгрии в XVIII–XIX вв. простая семья эволюционировала в более сложные структуры под влиянием недостатка земли и рабочей силы. То же наблюдалось на Корсике во второй половине XIX в. вследствие ухудшения экономических условий. Напротив, в южной Финляндии с конца XVIII в. и до 1850 г. вследствие отмены ограничений на семейные разделы семья развивалась от сложных к простым формам, а во второй половине XIX в. тенденция к нуклеаризации усилилась благодаря нововведениям в способах рыбоводства, которые позволили заниматься им с меньшим капиталом и числом работников. В некоторых случаях увеличение celibата сопровождалось увеличением доли сложных семей (Исландия, Испания). Возникновение более сложных семейных форм наблюдалась и в XX в.⁷⁶

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что семейная организация населения в России не отличалась принципиально от таковой же в остальной Европе. В России также происходило медленное, противоречивое, постепенное изживание патриархальной традиции в семейной организации населения, но с большим опозданием.

Существенная роль в длительном сохранении традиции составной семьи принадлежала социально-экономическим факторам и прежде всего – передельной общине, крепостному праву, правовым ограничениям развития частной собственности на землю, отсутствию единонаследия, многоземелью, особенностям климата, характеру хозяйственной деятельности, слабому развитию рынка труда⁷⁷. Впрочем, и в других странах Европы процесс нуклеаризации семьи проходил противоречиво и с рецидивами, да и сама западноевропейская модель семьи обусловлена изменчивыми обстоятельствами⁷⁸.

Однофакторное объяснение изменения семейной структуры – практикой наследования, коммерциализацией, налоговой системой, крепостным правом и т. п. не является достаточным. Всегда действовала группа социальных, экономических, юридических и даже психологических факторов; их оригинальная комбинация оказывала влияние на семейную структуру крестьянства в данный момент. Среди этих факторов в XVI – первой половине XIX в. заметное место принадлежало и крепостному праву, которое, впрочем, и само было порождено совокупностью политических, социальных и экономических обстоятельств. Вырывать крепостное право из сложного контекста жизни и абсолютизировать его роль вряд ли продуктивно: семейная структура имеет многофакторную природу.

Сделанные выводы, разумеется, не являются окончательными, потому что наши сведения о семейной структуре имеют два крупных недостатка. Во-первых, они не вполне точны ввиду приблизительности и неполноты первичных данных (особенно это относится к XVI–XVII вв.). Во-вторых, они отражали ситуацию в отдельных, сравнительно небольших селениях и в отдельные годы. Семейная структура в *отдельных селениях* зависела не только от экзогенных факторов – объективных социально-экономических условий жизни всего социума, но и от эндогенных факторов – условий жизни в *конкретной* семье, деревне и приходе, в том числе от органов местного самоуправления, от помещика, священника, местных коронных властей, от психологического климата в общине. Например, на частоту разделов, которая в решающей степени определяла соотношение простых и сложных семей, влияли эпидемии и эпизоотии, изменения погоды – в неурожай частота разделов уменьшалась, а в год хорошего урожая увеличивалась. В больших выборках лучше проявляется роль экзогенных факторов, а в малых выборках – эндогенных. Вследствие этого наши данные лучше отражают влияние эндогенных и хуже – влияние экзогенных факторов. Но самое существенное в том, что наши *малые выборки не являются вполне репрезентативными* и не могут в достаточной степени отражать тенденции в изменении семейной структуры – как известно, *закон больших чисел* не действует в малых выборках. Если бы мы располагали большими выборками за много лет,

то вполне возможно предположить, что изменения в семейной структуре в течение изучаемого времени были бы менее незначительными. Вполне резонно предположить, что достаточно высокая вариативность данных во времени и по регионам была результатом не вековых сдвигов в семейной структуре, а ошибок выборок, которые, как известно, тем больше, чем меньше выборка.

Исследования желательно продолжить на как можно более широком материале.

Примечания

¹ Александров В. А. 1) Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96; 2) Черты семейного строя у русского населения Енисейского края // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. С. 3–26; 3) Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 42–69; Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 366–367; Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 25; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т. 3. С. 240–247; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 508–509; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 400–413.

² Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. Cambridge, 1972. P. 31; Hammel E. A., Laslett P. Comparing Household Structures over Time and between Cultures // Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 19. P. 73–109.

³ Czup P. 1) The Perennial Multiple Family Household: Mishino, Russia, 1782–1858 // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. No. 1. P. 5–26; 2) A Large Family: «The Peasant's Greatest Wealth»: Serf Household in Mishino, Russia, 1814–1858 // Family Forms in Historic Europe. Cambridge, 1983. P. 105–150; 3) Marriage and the Peasant Joint Family in Russia // The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana et al., 1978. P. 103–123; Hoch St. L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, A Village of Tambov. Chicago; London, 1989. P. 65–91 (русский перевод: Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губ. М., 1993); Kaiser D. H. Urban Household Composition in Early Modern Russia // Journal of Interdisciplinary History. 1992. Vol. 23. No. 1. P. 39–71; Rudolph R. L. Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // Journal of Economic History. 1980. Vol. 40. P. 111–122; Worobec Ch. D. 1) Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period. Princeton, 1991. P. 76–117; 2) Victims or Actors? Russian Peasant Women and Patriarchy // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921. Princeton, 1991. P. 177–206.

⁴ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 71; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков. Л., 1978. С. 10–12; История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 102–103; Александров В. А. 1) Обычное право крепостной деревни... С. 59; 2) Типология русской крестьянской семьи... С. 83; Кох О. Б. Крестьянская семья // Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 56–58.

⁵ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи... С. 83.

⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере, конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 37–38.

⁷ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 152–153, 184.

⁸ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 160; *Островская М.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913. С. 38–52.

⁹ *Витов М. В.* 1) Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. ???; 2) Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 167–169, 181; *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 152–153, 184.

¹⁰ *Waris E.* 1) The Extended Family in the Finnish Karelia: The Family System in Ruokolahti, 1750–1850 // Scandinavian Journal of History. 1995. Vol. 20. No. 2. P. ???; 2) Yksissä leivissä: Ruokolahtelainen perhelaitos ja yhteisöllinen toiminta, 1750–1850. Helsinki, 1999 (резюме на английском, с. 242–248).

¹¹ *Водарский Я. Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI–XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: очерки по исторической географии XVII в. М., 1977. С. 127; *Кох О. Б.* Крестьянский двор и крестьянская семья на Русском Севере в конце XVII – XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 57; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1. С. 221.

¹² *Полла М.* К характеристике карельской крестьянской семьи // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2004. Вып. 3. С. 169–191; *Чернякова И. А.* 1) Южнокорельский приход в прошлом веке: рождаемость, смертность, брачность, семья. Петрозаводск, 2000; 2) Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII–XIX вв. // Население Карелии и карельская семья. Йоэнсуу, 2003. С. 133–143; *Cherniakova I.* 1) Marriage Behaviour in Pre-Industrial Karelian Rural Parishes // Where the Twain Meet Again: New Results of the Dutch-Russian Project on Regional Development 1750–1917. Groningen; Wageningen, 2004. P. 97; 2) Marriage and Family in White Sea Karelia during the Pre-Industrial Time: Traditions and Innovations (on the Example of Panozero Area) // Family Life of the Northwestern Margins of Imperial Russia. ??? P. 285–332; *Hamynen T.* History of the Karelian Orthodox Families in Suojärvi, 1500–1939 // Ibid. P. 93–134; *Polla M.* 1) The Family Systems among Eastern Karelians and Ethnic Russians in the 19th Century // Ibid. P. 201–238; 2) Peasant and Hunter Households in Oulanka, Northern Russia, 1710–1910 // The History of the Family: An International Quarterly. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 172; *Polla M., Kuropjatnik M.* Household Arrangements among the Saami of Akkala, Northern Russia, in the 19th Century // Family Life of the Northwestern Margins... P. 239–260.

¹³ *Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия, XVIII – первая половина XIX в. М., 2000. С. 103–130; *Дашкевич Л. А.* Семья государственных крестьян на Урале (по материалам подворных описей Поташенской волости 1805 г.) // Государственные крестьяне Урала эпохи феодализма. Екатеринбург, 1992. С. 109–121; На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 180–182, 194, 197; *Побережников И. В., Томилов А. Г.* Переписные книги как источник по истории населения уральских слобод начала XVIII в. // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992. С. 36–48.

¹⁴ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 222, 225.

¹⁵ *Назаров В. Д., Тихонов Ю. А.* Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. // История СССР. 1977. № 4. С. 156.

¹⁶ *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни... С. 60.

¹⁷ *Mitterauer M., Kagan A.* Russian and Central European Family Structures: a Comparative View // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. P. 103–131; *Czap P.* A Large Family. P. 128, 147; *Bohac R. D.* Family, Property and Socioeconomic Mobility: Russian Peasants on Manuilovskoe Estate, 1810–1861. Urbana, 1982. P. ???; *Александров В. А.* Обычное право крепостной

деревни... С. 60; *Golubeva S.* Age and Patterns of Marriage of Russian Farmers in the Upper-Volga Region // Where the Twain Meet Again. P. 169–174; *Dennison T. K.* Household Structure and Family Economy on a Russian Serf Estate: Voshchazhnikovo, 1816–1858 // Family Life of the Northwestern Margins... P. 77.

¹⁸ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 222, 225.

¹⁹ *Столяров А. А.* К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980. С. 110–115.

²⁰ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 222, 225.

²¹ *Czar P.* 1) The Perennial Multiple Family Household. P. 5–26; 2) A Large Family. P. 105–151; 3) Marriage and the Peasant Joint Family in Russia. P. 103–123.

²² *Hoch St. L.* Serfdom and Social Control in Russia. P. 80–81.

²³ *Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А.* Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX – начала XX в. ??? С. 60–71; Структура крестьянской семьи: Тамбовская губ., XIX – начало XX в. / В. В. Канищев, Р. Б. Кончаков, Ю. А. Мизис, Э. А. Морозова // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 83–99; *Морозова Э. А.* Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере с. Рассказово Тамбовской губ.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; The Development of the Family Structure in the Tambov Region, 1800–1917 / V. Kanitshchev, R. Konchakov, Y. Mizis, E. Morozova // Where the Twain Meet Again. P. 239–262.

²⁴ *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 44, 53, 65, 70; *Власова И. В.* Семья и семейный быт сибирского крестьянства // Этнография русского крестьянства Сибири, XVII – середина XIX в. М., 1981. С. 22, 32, 50.

²⁵ *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни... С. 63–64; *Власова И. В.* Семья и семейный быт... С. 9–56; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... С. 42–106; *Никишина Н. В.* Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

²⁶ *Палли Х.* 1) Население крестьянского домохозяйства (дворохозяйства) в Эстонии в XVII–XVIII вв. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. Вып. 1. С. 48–56; 2) Естественное движение сельского населения Эстонии, 1650–1799. Таллин, 1980. Вып. 2. С. 77; *Plakans A.* 1) Peasant Farmsteads and Households in the Baltic Littoral, 1797 // Comparative Studies in History and Society. 1975. Vol. 17. P. 2–35; 2) Serf Emancipation and the Changing Structure of Rural Domestic Groups in the Russian Baltic Provinces: Linden Estate, 1797–1858 // Households: Comparative and Historical Studies of the Domestic Group. Berkley, 1984. P. 245–275; *Waris E.* The Family and Marriage in Southern Estonia // Family Life of the Northwestern Margins... P. 333–358; *Wall R.* Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit // Historische Familienforschung: Ergebnisse und Kontroversen. ??? S. 276–277; *Wetherel C., Plakans A.* Borders, Ethnicity and Demographic Patterns in the Russian Baltic Provinces in the Late Nineteenth Century // Continuity and Change. 1999. Vol. 14. P. 33–56.

²⁷ *Палли Х.* Население крестьянского домохозяйства... С. 48–56.

²⁸ *Wetherel C., Plakans A.* Borders, Ethnicity and Demographic Patterns... P. ???

²⁹ *Wall R.* Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit. S. 276–277.

³⁰ *Носевич В. Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. С. 169.

³¹ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 222, 225.

³² *Капыскі З., Капыскі Б.* Беларуская вёска і яе насельніцтва ў канцы XVI – першай палове XVII стст.: вопыт дэмаграфічнай характарыстыкі // Беларускі гістарычны часопіс.

1993. № 2. С. 42–45; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да 1996 г. Мінск, 1997. Т. 1. С. 103; *Носевич В. Л.* Традиционная белорусская деревня... С. 167–168.

³³ *Worobec C. D.* Peasant Russia. P. 108–110.

³⁴ *Ibid.* P. 112–116.

³⁵ *Kolle H.* The Russian Post-Emancipation Household: Two Villages in the Moscow Area. Bergen, 1995. Диссертация доступна на сайте Бергенского университета. URL: www.uib.no/hi/herdis/.

³⁶ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 226.

³⁷ Там же. С. 221.

³⁸ *Зверев В. А.* Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского гос. ун-та: история. 2009. № 4(8). С. 68.

³⁹ *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 159; *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 40–41; *Аргудяева Ю. В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX – начало XX в.). М., 1997.

⁴⁰ *Kaiser D. H.* 1) Urban Household Composition... P. 39–71; 2) The Seasonality of Family Life in Early Modern Russia // *Forschungen zur osteuropischen Geschichte.* 1992. B. 46. S. 21–50; *Кайзер Д. Х.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России, XV – середина XIX в. М., 1994. Ч. 2. С. 225–237.

⁴¹ *Kaiser D. H.* Urban Household Composition... P. 69.

⁴² *Семенова Л. Н.* О семьях мастеровых Петербурга в XVIII в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 175–189.

⁴³ *Юрченко Н. Л.* Ревизские сказки как источник по социально-демографической истории: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 153, 267. См. также: *Фомина О. В.* Социальный состав и населенность купеческого двора Москвы последней трети XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: история. 2004. № 4. С. 123–132. Население Москвы в 1811 г. – 270,2 тыс., в 1863 г. – 462,5 тыс. человек.

⁴⁴ *Акользина М. К.* Изменение социальной структуры населения среднего русского уездного города в первой половине XIX века (по материалам Моршанска Тамбовской губернии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002; *The Development of the Family Structure...* P. 259–261.

⁴⁵ *Акользина М. К.* Указ. соч.; *The Development of the Family Structure...* P. 259–261.

⁴⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 86.

⁴⁷ *Зорин Н. В., Каплуновская Э. Б.* Структура городской семьи // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 74–92. Авторы используют своеобразную классификацию семей, поэтому пришлось провести пересчет данных в соответствии со стандартной типологией.

⁴⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 161, 173.

⁴⁹ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 235.

⁵⁰ *Миненко Н. А.* Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 175–195; *Зуева Е. А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 99, 107, 116–131; *Гончаров Ю. М.* Демографическое

развитие городской семьи Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000. С. 27–40.

⁵¹ Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999. С. 233–235.

⁵² Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 222.

⁵³ Там же. С. 221.

⁵⁴ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 178–193; Шмелева М. Н. Городская семья // Семейный быт народов СССР. С. 53–54.

⁵⁵ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... С. 55; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайловский Е. В. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1963. С. 91–92, 103.

⁵⁶ Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. М., 1918. Вып. 1. С. 42–67.

⁵⁷ Архангельский Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874. С. 2–3, 250–252.

⁵⁸ Szap P. The Perennial Multiple Family Household. P. 5–26.

⁵⁹ Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. М., 1915. Вып. 9; Кущенко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губ. по двум переписям 1882 и 1911 гг. Чернигов, 1916; Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924; Румянцев П. П. К вопросу об эволюции русского хозяйства // Очерки реалистического мировоззрения: сб. ст. по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. 453–547; Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899–1911 гг.: Епифанский уезд. Тула, 1916. Ч. 1–2; Черненко Н. Н. Указ. соч.

⁶⁰ Hoch St. L. Serfdom and Social Control in Russia. P. 87.

⁶¹ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978. С. 56–57; Общий свод по империи... Т. 1. С. 85.

⁶² Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX в. // История СССР. 1984. № 4. С. 41–59; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910. С. 2–45; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916.

⁶³ Колесников В. А. Последствия крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1889. С. 3–4.

⁶⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 379–381.

⁶⁵ Hoch St. L. Serfdom and Social Control in Russia. P. 52–53, 87. Подсчитано мною.

⁶⁶ Кайзер Д. Возраст при браке и разница в возрасте супругов... С. 233; Kaiser D. H. Urban Household Composition... P. 50.

⁶⁷ Подробнее см.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 229–232.

⁶⁸ Исаев А. Значение семейных разделов крестьян (по личным наблюдениям) // Вестник Европы. 1883. Июль. С. 333–349; Покровский Ф. И. Семейные разделы в Чухломском уезде // Живая старина. 1903. Вып. 1/2. Отд. 1. С. 1–51; Милогорова И. Н. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: история. 1987. № 6. С. 37–46.

⁶⁹ Исаев А. Указ. соч. С. 333–349.

⁷⁰ Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1891. Вып. 3. С. 65–66.

⁷¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 366–367.

⁷² Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти

XVIII в. М., 1951. № 185.

⁷³ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 96–98, 340; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 104; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 213.

⁷⁴ Семья в России: стат. сб. М., 1996. С. 29.

⁷⁵ Grassby R. Kinship and Capitalism: Marriage, Family, and Business in English-Speaking World, 1580–1740. Cambridge, 2001.

⁷⁶ Wall R. The Household // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. Detroit etc., 2001. Vol. 4. P. 111.

⁷⁷ Mitterauer M., Kagan A. Russian and Central European Family Structures. P. 103–131; Mitterauer M. 1) Ledige Mütter: Zur Geschichte unehelicher Geburten in Europa. München, 1983; 2) Historisch-anthropologische Familienforschung: Fragestellungen und Zugangsweisen. Vienna, 1990; 3) Medieval Roots of European Family Development // Stredoeurópske kontexty ľudovej kultúry na Slovensku. Bratislava, 1995. S. 92–105; 4) Family Context: The Balkans in European Comparison // Journal of Family History. 1996. Vol. 21. P. 387–406; 5) Ostkolonisation und Familienverfassung: Zur Diskussion um die Hajnal-Linie // Vilfanov zbornik. Ljubljana, 1999. S. 203–221.

⁷⁸ Wall R. The Household. P. 110–113.